

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Четвергъ, 15-го Мая 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 12051.

МИМИ.*

(СИЛУЭТЪ).

Гимнасты, искусные, отважные гимнасты, перелетающие съ такою легкостью съ одной трапеци на другую, съ какой это могли бы продѣлать птицы, тоже не вызываютъ на губки Мими ничего, кромѣ презрительной гримасы.

Чепуха! — говоритъ она.

Какъ, и это чепуха?

Ну, конечно жъ. Развѣ это гимнасты? Это шарлатаны. Они стараются сдѣлать видъ, что имъ страшно трудно, но каждый, хоть немного понимающій дѣло, скажетъ вамъ, что ихъ работа вздоръ, пустяки. Болтаются по трапециямъ, а внизу сѣтка протянута. Такимъ образомъ, работать имъ гораздо легче, чѣмъ на полу, хотя они и на страшной высотѣ.

— Но, вѣдь, работать безъ сѣтки, кажется, администрація не разрѣшаетъ?

— Кто не разрѣшаетъ, мнѣ не интересно. Если не разрѣшаютъ, нужно бросить трапецию и заняться чѣмъ-нибудь другимъ. А заставлять публику смотрѣть на дѣтскія упражненія, обезопасенный предохранительной сѣткой, прямо невеликодушно. Ну какой вѣ этихъ упражненіяхъ интересъ?

И Мими прибавить со вздохомъ:

— Когда я была еще маленькой, маленькой, совсѣмъ крошкой, я попала въ одинъ изъ столичныхъ цирковъ, въ которомъ давала представленія труппа Чинизелли! Такъ вотъ вѣ этой труппѣ былъ гимнастъ (я забыла его фамилію), котораго, дѣйствительно, стоило посмотрѣть. Между прочимъ, онъ качался на страшной высотѣ подъ самой крышей цирка, вися внизъ головой и держась за трапецию только кончиками своихъ ботинокъ. А внизу, на аренѣ цирка, не было никакой сѣтки, рѣшительно никакой. Представьте, что голова у него закружилась, что кончики ботинокъ соскользнули съ круглой трапеции, мгновеніе ужаса, полетъ внизъ — и вѣрная смерть на аренѣ цирка. Это былъ гимнастъ!

Да, это былъ гимнастъ! — подтвердить Лили и сладко зажмурить глазки, какъ кошечка, у которой почесали подъ шейкой.

Мими относится отрицательно къ поѣздкамъ велосипедистовъ въ гигантскомъ „чортовомъ колесѣ“, какъ называли въ просторѣчи „лупингъ-дѣ-лопъ“.

— Немного ловкости! — говоритъ она. — Ничего больше. И никакого интереса.

А надѣ когда-то знаменитой м-ле Диаболо она просто хохочетъ.

— Вѣдь, это же вздоръ! — увѣряетъ она. — За то, чтобы скатиться съ горки въ телѣжкѣ, самой деньги платить нужно, а она ихъ съ публики брала. Ну, я

Членъ Государственной Думы
Р. В. Малиновскій,
сложившій депутатскія полномочія и
уѣхавшій заграницу.

Авіаторъ А. В. Габеръ-Влынскій,
тяжело раненый во время воздушной катастрофы.

понимаю, скатиться на велосипедѣ нужна ловкость, а скатиться въ телѣжкѣ, — для этого даже и ловкости никакой не нужно. Чистѣйший вздоръ. Сѣла и скатилась. Хотите пари? Я скачусь.

— Однако, эта м-ле Диаболо гдѣ-то на Западѣ размозжила себѣ голову! Опасность, стало быть, была.

— Вздоръ, не вѣрю, что въ этой глупой и совершенно безопасной поѣздкѣ можно было размозжить себѣ голову. Кто видѣлъ смерть м-ле Диаболо? Никто не видаль. Мелькнуло въ двухъ-трехъ газетахъ извѣстіе о смерти м-ле Диаболо, и только. Она погибла, будто бы, потому, что чуть-чуть подняла голову? Что за вздоръ! Вѣль, это же дико слушать. Возьмите дѣтскую игрушку „лупингъ-дѣ-лопъ“, игрушку, по которой катаются вагончикъ или телѣжка, какъ у м-ле Диаболо, и внимательно разсмотрите устройство; зачѣмъ тутъ какія то низкія воротца, о которыхъ можно размозжить голову? Рѣшительно никакой нужды въ этихъ узкихъ или низкихъ воротцахъ нѣть. Дорожка „лупингъ-дѣ-лопа“ — широкая дорожка, и никакія катастрофы на ней не грозятъ; о томъ же, что на ней можно размозжить голову, прямо смѣшно говорить.

— Чѣмъ же вы объясняете эти вѣсти о трагической смерти?

— Э, Боже мой, да просто разгадали, что „лупингъ-дѣ-лопъ“ — вздоръ, и никто не хотѣлъ смотрѣть м-ле Диаболо, вотъ она и покончила съ собой трагически на столбахъ газетъ. Кстати жъ она, можетъ быть, и устала. Нѣть, ничего не говорите мнѣ о м-ле Диаболо: она неинтересна ни съ какой стороны. Капитанъ де Ветріо и тотъ былъ интереснѣе.

— А что дѣлалъ капитанъ де Ветріо?

— Онъ ълъ гвозди, жевалъ стекло, пилъ керосинъ.

— Фи, гадость!

— Нѣть, чѣмъ же? Это захватываетъ, это любопытно. Да это и трудно. Попробуйте-ка раскусить и сжевать какую-нибудь стеклянную банку изъ подъ варенья. Это не то, что скатиться въ телѣжкѣ по гладкой дорожкѣ, хотя бы и внизъ головой. Немножко смѣлости здѣсь вамъ не хватитъ для удач! А то былъ еще другой капитанъ...

Мими блаженно прищуриваетъ глаза и замираетъ отъ сладкихъ воспоминаний.

— Проклятая память: забыла его фамилію.

— Ну, Богъ съ ней; фамилія неважна.

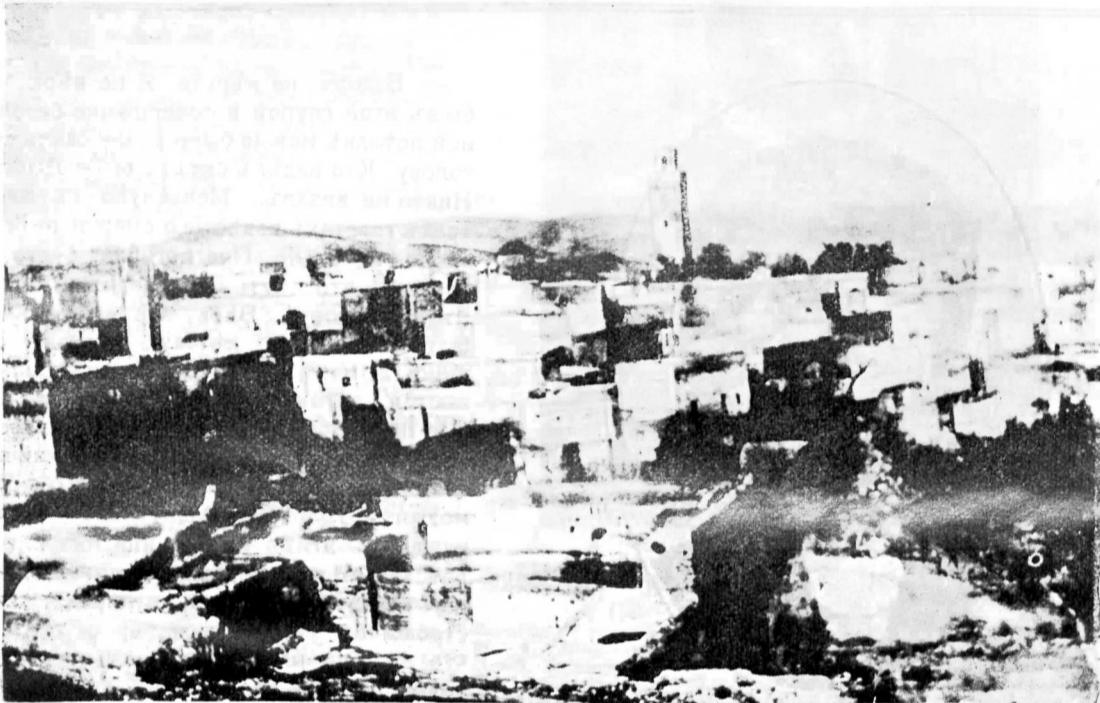
— Вы правы. Этотъ капитанъ дѣлалъ поистинѣ, изумительныя вещи, которыхъ я никогда не уставала смотрѣть. Вы спросите, что это были за вещи? Я разскажу вамъ. Капитанъ мастерски владѣлъ саблей; его удары отличались необыкновенною силою и быстротой. Что касается до силы, то, помню, онъ бросалъ въ воздухъ свинцовую плитку и ударомъ сабли разрубалъ ее въ воздухѣ пополамъ. Вы понимаете, какимъ сильнымъ долженъ быть для этого ударъ? А чтобы обратить вниманіе на быстроту, капитанъ бросалъ въ воздухъ ленту, и, пока она летѣла на землю, успѣвалъ разрубить ее въ трехъ, четырехъ мѣстахъ. Но, конечно, это было вздоромъ въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлалъ онъ дальше; дальше капитанъ

*.) Окончаніе. См. иллюстр. прибл. къ № 12044 «Южнаго Края».

ВЗЯТИЕ ТАЦЫ.

Снимки для „Южного Края“.

Французская владѣніе въ сѣверной Африкѣ—Алжиръ и Марокко,—хотя границы меж-
ду собою, до послѣднихъ дней были отѣлены областю, населенной воинственными
берберскими племенами. Главный городъ этой области,—сильно укрѣпленная Таца замы-
каетъ тѣсное ущелье, ведущее изъ Алжира въ Марокко, взята 10 мая французскими вой-
сками подъ начальствомъ генерала Баумгартина.

Таца.

Французская колониальная артиллерія по дорогѣ въ Тацу.

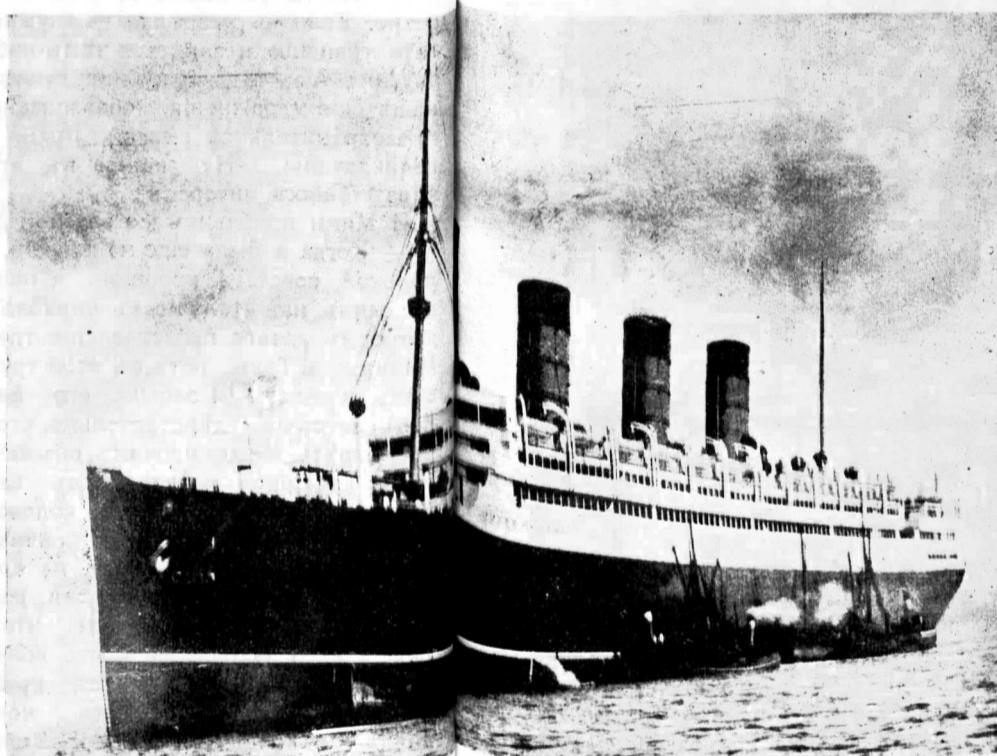

Похороны французскихъ солдатъ, убитыхъ при взятии Тацы.

Эльзас-Свѣтѣвъ.
Ежегодно 10 мая, въ годовщину заключенія Парижскаго трактата (1871 г.), отдавшаго Эльзасъ Гер-
маний, проживающіе въ Парижѣ эльзасцы собираются на площади Согласія передъ статуей го-
рода Страсбура, чтобы помянуть на ней погибшихъ въ бояхъ.

Снимокъ для „Южного Края“.

Челичайший пароходъ англійского та-
ва «Аквитанія» (больше «Титаніка»), пред-
назначенный для перевозки между Атлантикой и Америкой.

Снимокъ для „Южного Края“.

заставлять человѣка ложиться на спину вверхъ, обнажать ему горло, складывая на горло яблоко, дѣлать ма-
ской размахъ, наносить мастерской саблей, и яблоко разлеталось на части. Опустись сабля на волосокъ два ниже, и горло уже не были состояніи починить самые искусные руки.

— Боже мой! Неужели это было? — Было, было! — сладко жмурясь, речь Мими. — Въ одномъ изъ здѣшнихъ садовъ сладко жмурясь, подтверждаетъ Ли. — Два—три волоска ниже, и публикой быль бы не человѣкъ, а

ший человѣкъ, — вздыхаетъ Мими. — Это искусство. Это можетъ привлечь внимание публики. Это гораздо интереснѣе опытовъ разныхъ старинныхъ Вильтельмовъ Теллей, которые выстрѣломъ сбиваются съ чужихъ головъ яблоки или стеклянные шары. Для руки, конечно, менѣе шансовъ дрогнуть, спуская курокъ ружья, чѣмъ опускать саблю на линию отъ горла живого человѣка. Если бы вы видѣли, что это былъ за моментъ! Капитанъ взмахивалъ саблей, и вся зала охала, какъ одинъ человѣкъ.

Да, это былъ моментъ! подтверждаетъ Лили. Съ такимъ же удовольствіемъ Мими

Землетрясеніе въ Сициліи.

Снимки для „Южного Края“.

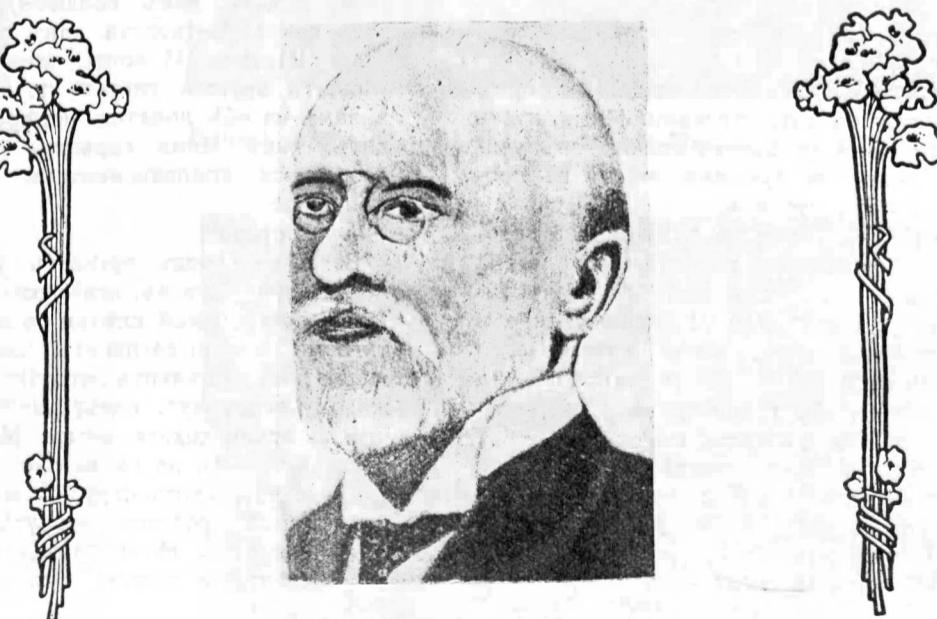

Вилла, разрушенная землетрясениемъ.

На склонѣ Этны.

„ГЕРОЙ ДНЯ“.

«Знаменитый» казанский профессоръ Мережковский.

ПОСЛЕДНЯЯ ПАРИЖСКАЯ МОДЫ.

Снимки для „Южного Края“.

Весенние туалеты.

расскажетъ вамъ про факира, который прокалывалъ себѣ иглой языкъ, впускаль иглу въ щеку, въ руки, ноги, рѣзаль себя ножемъ, кололъ кинжаломъ, жегъ свое тѣло на ярко пылавшемъ огнѣ.

— Ффу, какой ужасъ!

— Это захватываетъ! — коротко объяснилъ Мими.

Если найдется невѣрующій, который усомнится въ существованіи Мими, пусть онъ пойдетъ на волчьи садки; онъ увидитъ Мими на лучшемъ мѣстѣ въ первыхъ рядахъ публики.

Пусть онъ обратить вниманіе на сверкающіе глаза, на разгорѣвшіяся щеки Мими въ тотъ моментъ, когда какой-нибудь „Хватай“ или „Урывай“ начнетъ насыщать на волка. Мими вытягивается во весь свой ростъ. Мими становится на цыпочки, чтобы лучше видѣть, и счастливый крикъ срывается съ ея губъ:

— Взялъ, взялъ, взялъ!

Пусть невѣрующій пойдетъ на состязаніе въ борьбѣ, у которой есть такъ много поклонниковъ,

И въ первомъ ряду онъ опять таки

встрѣтитъ Мими; онъ увидитъ Мими, смотрящую глазами жадной акулы на потныхъ, звѣрскія мрачныя лица борцовъ; ихъ тяжелое дыханіе, топотъ ихъ слоноподобныхъ ногъ, хрустъ ихъ костей уши Мими ловятъ, какъ волшебную музыку, какъ сонату Бетховена, какъ сладкія мелодіи Шопена. И когда одинъ гигантъ уложитъ другого гиганта по всѣмъ правиламъ на обѣ лопатки, невѣрующій увидитъ, какъ Мими сорвется съ мѣста и разразится апплодисментами и восторженнымъ:

— Бррраво!!!

Если въ городъ прѣдеть укротитель львовъ или тигровъ, невѣрующій увидитъ Мими возлѣ самой клѣтки со львами или тиграми, а если заглянетъ какой-нибудь шарлатанъ и объявитъ „отрубленіе головы живому человѣку“, невѣрующій увидитъ, что во время дикаго опыта Мими заберется чуть-чуть не на колѣна къ шарлатану. И когда тотъ струситъ и откажется отъ опыта, обѣщаю вернуть публикѣ деньги обратно, Мими первая закричитъ:

— Не нужно денегъ! Это наглое на-

дувательство! Рубите голову живому человѣку, гнусный шарлатанъ!!!

Да, невѣрующій увидитъ и услышитъ все это, потому что Мими это публика, а публика дѣлаетъ то, что дѣлаетъ Мими.

Когда вы сидите у нея на дачѣ, она васъ замучитъ своимъ добродушіемъ; а на опытѣ отрубленія головы живому человѣку съ ней произойдетъ метаморфоза, и она, возмущенная „обманомъ“, закричитъ сурово и грозно:

— Рубите же голову живому человѣку, шарлатану!

Мими не одна; недавно газеты описали такой случай. Въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ даваль представлениѣ какой то ясновидящій предсказатель или факиръ. Зарядивъ револьверъ, онъ далъ его одному изъ посѣтителей и попросилъ стрѣлять ему прямо въ грудь. Стрѣлокъ съ энергией нажалъ пружину револьвера и... убилъ ясновидящаго наповалъ.

Это былъ родной братъ Мими.

А. Грузинскій.

